

СЕМИОТИКА И ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

КРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОСТРАННЕНИЯ. ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ ОСТРАННЕННОГО ЗНАКА

М.Л. Новикова

Кафедра русского языка
Юридический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Исследование креативного потенциала остраннения как инварианта языковой поэтической образности обусловлено новым осмыслением его природы в системе художественного текста и концептуальными операциями творческого мышления. В статье рассматривается функционально-грамматический принцип изучения структуры остранненного знака и его важнейшие функции.

Ключевые слова: креативность, креативный потенциал, остраннение, остарненный знак, поэтика, эстетическая функция.

Общей тенденцией в области филологии является укрупнение анализируемого объекта и расширение сферы его изучения. Особую актуальность приобретают междисциплинарные исследования. На протяжении XX в. (в направлении от русского формализма к структурализму и лингвистике текста) складывалась тенденция к нейтрализации границ между отдельными областями гуманитарного знания, образуя общее поле исследований для философии, психологии, семиотики, поэтики, герменевтики, риторики и др.

Для современного этапа развития науки о языке характерна установка на переход от эмпирического знания к глубинному постижению языка в широком теоретико-методологическом контексте. Это находит свое выражение в том, что многие проблемы и темы, рассматривавшиеся ранее как экстралингвистические, стали трактоваться в современной лингвистике как интралингвистические, имеющие непосредственное отношение к предмету изучения науки о языке, который стал пониматься при этом более широко — как духовная энергия и когнитивная активность человека, в отличие от чисто номиналистической интерпретации языка как системы знаков, характерной для предыдущего структуралистского периода.

Антропоцентризм, функционализм и междисциплинарность сформировали основу для возникновения «когнитивно-дискурсивной парадигмы», которая обо-

гатила изучение языковых процессов знаниями о познавательной деятельности индивида, о взаимосвязи языка и мышления и их участии в формировании языковой картины мира. Язык как форма отображения и выражения мыслительных процессов выступает средством организации, обработки и передачи информации, которая осмысливается, категоризируется и классифицируется человеком. Творческий характер языковой и речевой деятельности проявляется как в создании новых, так и в преобразовании имеющихся в языке типизированных средств и способов, характеризующих лингвокреативную деятельность.

Важное направление лингвистического изучения поэтического языка связано с проблематикой когнитивной лингвистики, в русле которой он рассматривается как «творческая лаборатория» обыденного языка. С этой точки зрения поэтический язык выступает в качестве «динамического резерва», позволяющего языку изменяться, оставаясь самим собой [4]. Этот подход позволяет исследовать не только эстетическую, но и гносеологическую функцию поэтического языка, способного «выразить невыразимое» (Ю.М. Лотман, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова и др.).

Синтез достижений различных научных направлений и школ в изучении проблем стилистики и теории художественной речи, проблем лингвистической поэтики, которая, в традиции, восходящей к идеям и трудам В.В. Виноградова, В.М. Жирмунского, Б.А. Ларина и др., стремится быть лингволитературоведческой, «стыковой», приобретает особую важность. Это связано, прежде всего, с бурным развитием лингвистики текста, что обусловлено и теоретическим поиском, и задачами практики, ибо атомарное исследование не оправдало себя, поскольку именно текст позволяет осмыслить при восприятии все его элементы, в том числе и стилистические приемы, и тропы, и специфику стиля конкретного произведения, и конкретного идиостиля.

Обратимся к одной из самых фундаментальных идей в области художественной речи — теории остраннения В.Б. Шкловского. Исследование креативного потенциала остраннения как инварианта языковой поэтической образности обусловлено новым осмыслением его природы как основы образной системы художественного текста, концептуальной операции творческого мышления. Конструктивное для поэтики и эстетики ОПОЯза понятие остраннения явилось одним из узловых в филологических трудах В.Б. Шкловского и его писательской практике. Упоминание о лингвистическом (стилистическом) аспекте остраннения можно найти в замечаниях самого В.Б. Шкловского: «Я лично считаю, что остраннение есть почти везде, где есть образ» [7. С. 20]. Остраннение, выполнявшее роль частного художественного приема, имеет качество универсального и — в широком смысле — стоит за всеми творческими актами.

Одна из задач исследования креативного потенциала остраннения как инварианта языковой поэтической образности — систематизация изобразительных средств и приемов, основанных на лингвостилистическом его понимании. Остраннение — литературный прием, в широкой же трактовке этого понятия — всеобщий закон словесного творчества, основа всей образности. Эстетически значи-

мой структурно-семантической единицей лингвистического анализа остраннения является остранненный знак как словесный образ. Он является эстетически организованным структурным элементом стиля художественного произведения. Это определяет и формы его словесного построения, и принципы его композиционного развития. Таким образом, это единица структурного, семантического и композиционного уровня, органически связанная с идейно-эстетическим содержанием.

Структурный анализ остранненного знака систематизирует формальные особенности его синтагматики. Характер остранненного знака, его место и роль в тексте во многом зависят от грамматической природы его составляющих, его синтаксических функций в тексте и структурно-семантической иерархии его компонентов. Анализ формального строения остранненного знака позволяет объективно проанализировать специфику его функциональной роли в тексте и иерархической значимости его компонентов.

Обратимся к функционально-грамматическому принципу анализа остранненного знака, который дает представление о том, в каких синтаксических функциях остранненный знак употребляется в тексте, раскрывая основную синтаксическую и связанную с ней его семантическую роль как изобразительного средства. Изучение системы функций, то есть динамический подход к исследованию роли остранненного знака в создании образности, служит основанием для выделения функционального аспекта его рассмотрения.

Так как остранненный знак как единица лингвистического анализа остраннения, его реализация и развитие рассматриваются в тексте, то он с неизбежностью оказывается его окружением (разумеется, нисколько не теряя своего самодовлеющего значения). Таким образом, сам термин «текст», кроме своего обычного значения, получает в и другое, специфическое, рабочее: языковое окружение остранненного знака. Именно это значение и выступает, прежде всего, в оппозиции «остранненный знак — текст». Такое употребление никак не означает, что сам остранненный знак исключается из текста, принципиально противопоставляется ему. Напротив, он — его конструктивный компонент (при понимании термина «текст» в обычном употреблении). Узкое, специфическое понимание текста как окружения остранненного знака и, соответственно, некоторая нарочитая «выдвигнутость» самого объекта исследования — только необходимый прием анализа избранного объекта.

Так как объектом анализа является, прежде всего, остранненный знак, то под текстом в узком, специфическом понимании этого термина на уровне анализа понимается практически все за вычетом самого остранненного знака, то есть «неостранненный знак», его окружение. Структура остранненного знака онтологически есть весь текст, в исследовательском плане представленный в оппозиции «текст — остранненный знак» как самый яркий эстетический знак.

Следует обратить внимание на то, что анализ остранненных знаков как средств языковой изобразительности не может быть сведен к простому вычленению их из художественного произведения и к той или иной классификации как самодовлеющих единиц. Чисто лингвистический подход к анализу средств худо-

жественного текста как элементов языковой системы в соответствии с «двупланным» характером слова в тексте должен учитывать одновременно и его собственную языковую природу, и образно-эстетическую сущность. Слово в художественном произведении свою изобразительную силу приобретает в единстве всего произведения.

По своей структуре остранный знак — это сочетание двух или более знаменательных слов, которые, однако, соединены между собой нестандартно и поэтому представляют особый тип производно-номинативного образного значения. Остранный знак может и должен быть подвергнут предварительному анализу со стороны его формы. Здесь намечаются лишь общие принципы изучения структуры остранного знака, поскольку анализ всех структурных типов — задача специального исследования.

Особенность синтагматики составляющих остранного знака — в сознательном нарушении сочетаемостных показателей слов, основанных на принадлежности к определенному ряду. Как известно, синтагматические отношения — это отношения сосуществования и последовательности единиц, основанные на линейном характере текста. «Язык может быть определен как парадигматика, чьи парадигмы манифестируются любым материалом, а текст — соответственно, как синтагматика, цепи которой, если они распространены бесконечно, манифестируются любым материалом» [3. С. 864]. Структурный анализ остранного знака систематизирует формальные особенности его синтагматики.

По существу, с точки зрения структуры, законов синтаксиса, они составлены правильно. Необычность отклонения от нормы выявляется в нестандартном соединении (в пределах данной конструкции) слов, которые обычно не соединяются. Остранный знак объединяет в художественном тексте то, что не может быть объединено в обычном обиходном словоупотреблении.

Задача формального анализа — изучение механизма остранного знака, а не его эстетической ценности, т.е. не анализируются ни его индивидуальное значение, ни семантическое, ни стилистическое приращение. Здесь оказывается существенным учет зависимого слова, выявляющего остранный знак как таковой. Изучение остранного знака как конструкции предполагает внимание как к главному (остранному), так и к зависимому (свободному) компоненту конструкции. По зависимому компоненту можно судить о сочетаемости остранных знаков и о направлениях развития этой сочетаемости.

Важнейшей функцией остранного знака в тексте является предикативная. Предикативные знаки (глагольные и субстантивные) играют важнейшую роль в формировании образной предикативной основы предложения, так как высказывание как целостную единицу организуют, прежде всего, синтаксические отношения между субъектом и предикатом. Синтаксические функции остранных знаков тесно связаны с их семантическими функциями в тексте.

Остраннение предикативной основы предложения — главной, координационной его связи — создает общий план остраннения, который конкретизируется разными способами, продолжается и развивается не только в частях данного вы-

сказывания, но и в смежных с ним предложениях текста, образующих единую композиционную структуру и развивающих образный смысл текста. Это важнейшая функция предикативных остранненных знаков. Такое остраннение имеет глобальный семантический характер. Обратимся к конкретному примеру:

«На нижней палубе под спардеком волны отвязали бочку с сельдью. *Бочка пляшет*, вертится волчком в зеленой пене на палубе, помощник капитана в рупор кричит на кубрик, и трое бегут с арканами — ловить ожившую бочку; *бочка пляшет*, как пьяный швед; матросы крепят конец каната и с другим концом идут на палубу к веселью волн и бочки, вода летит над головами, и *бочка бегаёт* от матросов, толкаясь у фальшбортов, в холодном свете прожектора» [Б. Пильняк].

Глагольный остранненный знак *бочка пляшет*, выполняющий в тексте предикативную функцию, влечет за собой остраннение всего высказывания, создавая его пространственный образный план. Повтор тропа с поддерживающими его сравнениями *вертится волчком*, как *пьяный швед*, приводит к тому, что предикат, распространяясь на широкий круг предметов, объединенных иногда далекими ассоциативными связями, служит созданию сложной структуры образного компонента текста, поддерживаемой тропами других формальных типов (*ожившая бочка*, *веселье бочки* и др.). Общий образный план развивается и конкретизируется структурно подчиненными компонентами. Предикативная основа создает предпосылки для появления других иерархически зависимых компонентов не только в данном предложении, но и за его пределами, в более протяженном тексте. Создание слитного плана остраннения не бывает ограничено изолированными друг от друга компонентами. В предложении, взятом отдельно, так же как и в более значительном по протяженности отрывке текста, словосочетания предстают в синтаксических связях и отношениях, организующих целостную единицу, тесно связанную с другими предложениями. Предикативные сочетания, включающие в себя глагольные и субстантивные знаки, остранняются непосредственно, что влечет за собой опосредованное остраннение других формально грамматических типов, что приводит к их экспансии на все предложение, а затем и на более широкий контекст.

Общий план остраннения развивается и конкретизируется структурно подчиненными компонентами, предикативная основа создает предпосылки для появления других, иерархически зависимых компонентов не только в данном предложении, но и за его пределами, в более протяженном тексте.

«*Речь лилась* непрерывным захлебывающимся монологом... Говорил он *взахлеб*, безоглядно... Речь не делилась на фразы, фразы на слова — все лилось бессознательным *потоком сознания*. Таким же *потоком* была его *поэзия* [А. Вознесенский].

Более сложная по своему характеру функция предикативного остранненного знака — его семантическая трансформация в тексте в соответствии с обозначаемой ситуацией. Обозначения субъекта при этом могут оставаться формально тождественными (хотя и имеют различные денотаты), обозначение же предиката, функционально связываясь с определенной ситуацией, образно трансформируется. Например, ненавистное имя Петлюра в «Белой гвардии» М. Булгакова, на-

писанное «лесенкой», как бы прыгает со стены, *капает* в кофе, портя его, *гуляет* по языкам, *стучит* в телеграфных аппаратах:

«Слово... — Петлюра! — Петлюра! — Петлюра! *запрыгало* со стен, с серых телеграфных сводок. Утром с газетных листков оно *капало* в кофе, и божественный тропический напиток немедленно превращался во рту в неприятнейшие помои. Оно *загуляло* по языкам и застучало в аппаратах Морзе у телеграфистов под пальцами» [М. Булгаков].

Полупредикативные остранные знаки представлены причастием или деепричастием, соответственно, в причастных и деепричастных оборотах, а также существительным в функции приложения. Обособление содержит дополнительное сообщение, сопутствующее главному, содержащемуся в основной части высказывания. Оно характеризуется, наряду с относительной информативной самостоятельностью, тесной смысловой связью с текстом, развивающим образную семантику этих остранных знаков:

«...тонкие *семафоры* в светящихся зеленых очках щепетильно *проносятся* мимо, *глядя* вверх поездов» [И. Ильф, Е. Петров];

«Сменить день труда на вечер, как это сделало время, *загрузив* день сумерками, *разлив* по улицам свету фонарей, *уничтожив* небо...» [Б. Пильняк];

начало реплики — «разведчики добывали сведения о „противнике“ — ваше нравственное вооружение, сила сопротивления неожиданностям» [А. Кривицкий].

Атрибутивные остранные знаки выражают в тексте различного рода атрибутивные отношения, выступая в функции образного определения. Говоря о функциях остранных знаков, следует иметь в виду, что это функции обобщенные, текстовые: в них реализуется смысл протяженного текста, поэтому такие функции надо понимать более широко, чем простую синтаксическую и семантическую функцию какого-либо члена предложения. Такая функция распространяется на значительные участки текста, реализуя его идейно-эстетический смысл. Остранный знак имеет не только конкретное словесное значение, но и является средством выражения общего «слитного» группового смысла [5. С. 86—88]. Например, атрибутивная функция обычно выражается не отдельным остранным знаком, а их системой во взаимодействии с другими средствами. Основная функция атрибутивных сочетаний — выражение многопланового образного определения. Эта функция свойственна прилагательным и причастиям, иногда она основывается на непосредственном острании, но чаще — опосредованно.

«Был грузный *закат*, багровый, заливал все *кровавым блеском*. С поезда из города приехал отец. В руке газета, сам взволнован. Сказал одно только слово, но в этом слове была *ртутная мертвая тяжесть*... Война. Ужасное было слово, *кровавое*, как закат» [Б. Лавренев].

В микротексте несколько атрибутивных цветовых тропов. Красный цвет неба во время заката, психологическое предчувствие кровавых событий войны выявляет внутренний смысл и глубокую емкость словесных образов. Атрибутивная функция реализует идейно-эстетический смысл текста, выдвигая на первый план

образное уподобление красного цвета кровавым военным событиям, символизирующим грядущую смерть.

Насыщение текста атрибутивными словесными образами одной лексико-семантической группы создает цельный многоплановый образ, взаимное проникновение и игру его смыслов, способных передать невыразимое и усилить эстетическое воздействие языковых средств:

«Он [Б. Пастернак — *М.Н.*] стоял в дверях. Все поплыло предо мной. На меня глядело *удивленное удлинленно-смуглое пламя лица*. Какая-то *оплывшая стеариновая кофта* обтягивала его крепкую фигуру. Ветер шевелил челку. Не случайно он потом для своего автопортрета изберет *горящую свечку*. Он стоял на сквозняке двери» [А. Вознесенский].

Развитие словесных образов происходит на базе субстантивной конструкции *пламя лица*. Это, в свою очередь, является как бы «мостиком» для развития атрибутивного знака *оплывшая стеариновая кофта* — образа человека-свечи. Их взаимодействие поддерживается в тексте атрибутивным сочетанием *горящая свечка* и указанием на то, что человек стоит на сквозняке, объединяя образные и безобразные компоненты текста, развивая и конкретизируя общий образный план структурно подчиненными компонентами. Необходимо отметить, что слова одной лексико-семантической группы находят свое дальнейшее развитие в тексте. Атрибутивные остранненные знаки влекут за собой знаки другие формально-грамматических типов:

«Затихали. Пастернак садился за стол. На нем была легкая серебристая куртка... Лицо вытягивалось, худело. И *ответа белой ночи* была *куртка* на нем... Поддержка его мне была в самой его *жизни*, которая *светилась* рядом... Сначала он стоял в группе, окруженной темными костюмами и платьями, его серый проглядывал сквозь них, как *смущенный просвет* северного неба сквозь стволы. Его выдавало *сиянье*» [А. Вознесенский].

Так создается в микротексте общее атрибутивное поле текста, основой которого являются определения.

Объектные остранненные знаки выполняют функцию образно-переносного обозначения объекта.

«Море катило волны, *перекатывало время*» [Б. Пильняк].

Образная номинация объекта — одна из существенных характеристик общего образного строя текста. Наиболее показательны так называемые вещные номинации, характеризующие явление или предмет и выражающиеся субстантивными конструкциями:

«*Пианино* показало уютные белые зубы и партитуру Фауста там, где черные нотные закорючки идут густым черным строем и разноцветный рыжебородый Валентин поет... Все же, когда Турбиных и Гальберга не будет на свете, опять зазвучат *клавиши*, и выйдет к рампе разноцветный Валентин» [М. Булгаков].

Объектный остранненный знак *зубы пианино* поддерживается далее прямым обозначением *клавиши*, связываясь с последующим текстом.

Смешение в одном ряду номинативного и образного словоупотребления делает объектные остранные знаки очень выразительными, так как при этом подчеркивается каламбурная соотнесенность прямого и переносного употребления слов в тексте. Например:

«Слезы помешали видеть женщине, что, *увозя с собой на Север ее короткое счастье, он увозил и швейную машинку*» [Л. Леонов];

«Катаока *поднял со дна Средиземного моря, из глубины двухсот метров — три миллиона рублей* и мировое водолазное имя [Б. Пильняк];

«Ветер понес *изморозь* и кислую деревенскую *скуку*» [Л. Леонов];

«С террасы в Волгу можно было *бросить камнем* и *выкинуть тоску*» [Б. Пильняк];

«Как говорят русские, *«дождь сечет»*. Какое иное сравнение мог придумать народ, привыкший к тому, что *его секут* постоянно? *Дождь сечет*» [К. Паустовский].

Обстоятельственные остранные знаки образно характеризуют условия, обстоятельства осуществления чего-либо (место, причину, способ, степень действия и т.д.). Из-за отсутствия строгих критериев разграничения некоторых разновидностей обстоятельства, дополнения и определения, соответственно, возможно двойное толкование функции острanneнного знака. В некоторых случаях они выполняют как обстоятельственную, так и другие функции:

«В густом тумане было видно только — товарищ справа, да товарищ слева... *в зыбком молоке*» [А. Толстой].

«Будь это *прежнее время*, крикнул бы, *плюнул бы словами* в это лицо» [А. Малышкин].

«Поезд из Дербента в Баку ушел... люди в котором, в *коробках жестких вагонов*, висли, как овощи в зеленных лавках... Из *коробки вагона, из зеленой лавки человеческих лиц*, вышел юноша» [Б. Пильняк].

Функционально-грамматический принцип изучения структуры острanneнных знаков дает возможность понять различную их роль в тексте: создание образной основы всего предложения и более прострannого текста, образного атрибутивно-го поля, эстетически воздействующих объектных и обстоятельственных рядов. Их функции оказываются шире и подвижнее, чем простые синтаксические и семантические функции составляющих предложения: в отличие от последних они обнаруживают активную образную экспансию в текст, обладая способностью образно заражать его.

Художественный текст — это особый эстетический вид моделирования действительности, продукт словесного творчества. Язык художественного текста в своей сущности является определенной художественной моделью мира. Говоря об острanneнии как основе образной языковой семантики и структуры художественного текста в его лингвистическом аспекте, необходимо исследовать креативную функцию поэтического языка и его роль в создании картины мира. Объявляя примат слова над реальностью, А. Белый, например, говорит о том, что «слово создает новый, третий мир... в пределах которого я чувствую себя творцом действительности» [2. С. 131].

В художественном тексте сочетаются, взаимодействуют нормативно различные и даже противопоставленные миры. «В случае смысловой и стилистической

неоправданности неожиданное рассматривается как ошибка, при смысловой и художественно-эстетической оправданности — как выразительный стилистический прием» [6. С. 21].

Мир, отраженный в тексте, непознаваем до конца. В каждом произведении будет оставаться нечто непознаваемое, связанное с наитием, вдохновением [1]. В.Б. Шкловский писал, что текст художественного произведения восхищает нас «именно тою своею частью, которая неуловима для нашего сознательного понимания; от этого-то и зависит могущественное действие художественно-прекрасного, а не от частей, которые мы можем анализировать в совершенстве» [8. С. 45—58].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. — 4-е изд. — М.: Сов. Россия, 1979.
- [2] *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. — М.: Искусство, 1994. — Т. 1.
- [3] *Ельмслев Л.* Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1960. — Вып. 1.
- [4] *Лотман Ю.М.* Семиосфера. — СПб.: Искусство, 2001.
- [5] *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. — М.: Едиториал УРСС, 2004.
- [6] *Черемисина Н.В.* Языковые картины мира и их семантическое взаимодействие в художественном тексте // Человек. Язык. Искусство. Материалы Международной научно-практической конференции 4—6 ноября 2002 г., МПГУ. — М.: Моск. педаг. госуд. ун-т, 2002.
- [7] *Шкловский В.Б.* О теории прозы. — М.: Сов. писатель, 1983.
- [8] *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет: Статьи — воспоминания — эссе (1914—1933). — М.: Сов. писатель, 1990.

CREATIVE POTENTIAL OF OSTRANNENIE. FUNCTIONAL AND GRAMMATICAL PRINCIPLE OF OSTRANNENNIE SIGN STRUCTURE STUDY

M.L. Novikova

Russian language chair of faculty of law
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Research of creative potential of ostrannenie as an invariant of language poetic figurativeness is caused by a new point of view on its nature as the basis of figurative system of fictional text, conceptual operation of creative way of thinking. This article also focuses on functional and grammatical principle of ostrannenie sign structure research and its most important functions.

Key words: creativity, creative potential, ostrannenie, ostrannenniy sign, poetics, aesthetical function.